

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ. КРАТКИЙ ОЧЕРК АСКЕТИКИ

«Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики» Феофана Затворника — одно из самых известных наставлений по нравственному богословию и аскетике. Феофан Затворник так начинает «Путь ко спасению»: «последняя цель человека — в общении с Богом — и путь к ней: это вера с хождением в заповедях, при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! Иди! Легко сказать: вот путь, иди! Но как сделать это?»

*Феофан Затворник различал в христианской жизни: «три степени, которые, по свойству их, можно назвать так: 1-ю — обращением к Богу, 2-ю — очищением или самоисправлением, 3-ю — освящением. На первой — человек обращается от тьмы к свету, от области сатаны к Богу; на второй — очищает храм сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. ****

Автор книги св. Феофан — необычайный человек и плодотворный писатель. Побывав преподавателем и руководителем духовных учебных заведений, членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, настоятелем русской посольской церкви в Константинополе, епископом, в 1872 г. Феофан уходит в затвор (откуда и его прозвание — Затворник), в котором пробудет до конца своей земной жизни целых 28 лет. Впрочем сам Феофан Затворник утверждал, что он затворился «не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества». Известны слова св. Феофана по этому поводу: «Когда молитва твоя до того укрепится, что все будет держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор...»

Св. Феофан Затворник не писал специально догматических трудов. Основные темы его сочинений — нравственное богословие и аскетика. Феофану принадлежит множество толкований Св. Писания. Феофану Затворнику, также, принадлежит множество переводов (прежде всего «Добротолюбия») древнехристианской аскетической литературы.

Святитель Феофан Затворник ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

ВВЕДЕНИЕ

В «Начертании христианского нравоучения» изображены обязательные для нас чувства и расположения, но этим сказано далеко не все, потребное к устроению своего спасения. Главное дело у нас действительная жизнь в духе Христовом. А этого только коснись, сколько откроется недоумений и сколько, поэтому, потребно указаний, и притом почти на каждом шагу!

Правда, там последняя цель человека указана — в общении с Богом — и путь к ней изображен: это вера с хождением в заповедях, при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! Иди!

Легко сказать: вот путь, иди! Но как сделать это? Большею частью недостает желанья идти. Упорно отрывает душа, увлеченная какою — либо страстью, всякое понуждение и всякий призыв; очи от Бога отвращает и смотреть на Него не хочет. Закон Христов не по сердцу; ей и слушать о нем нет расположения: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желанье идти к Богу путем Христовым; как сделать, чтобы закон напечатлелся в сердце и человек, действуя по этому закону, действовал бы от себя, непринужденно, чтобы закон сей не лежал на нем, а как бы исходил от него?

Но путь обратился кто к Богу, пусть возлюбил закон Его; самое шествие к Богу, самое хождение путем закона Христова необходимо ли уже и будет успешно потому только, что мы возжелали сего? Нет. Кроме желанья, необходимо еще иметь силы и умение действовать: нужна мудрость деятельная. Кто вступит на истинный путь богоугождения или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу, путем предначертанного закона Христова, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутья, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Сии распутья неизбежны по остающемуся, даже и в обращенном, греховному позыву и расстройству сил, которые и в сем состоянии способны представлять вещи в превратном виде — прельщать и губить человека. К сему присоединяется лесь от сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами, и когда кто из области его пойдет к свету Христову, гонится вслед его и всякие расставляет сети, чтобы снова уловить, и нередко действительно уловляет. Следовательно, и тому, кто имеет уже желанье идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все уклонения, возможные на сем пути, чтобы шествующий наперед был предварен о сем, видел имеющие встретиться опасности и знал, как избежать их.

Эти общие всем неизбежности на пути спасения делают необходимыми особые руководительные в христианской жизни правила, коими должно быть определено: как дойти до спасительного желанья богообщения и ревности пребывать в нем и как безбедно пройти к Богу, среди всех распутий, возможных на сем пути по всем степеням, — иначе: как начать жить по — христиански и как, начавши, усовершениться в этом. Сие руководство должно взять человека вне Бога, обратить к Нему и потом привести пред лице Его; должно проследить жизнь христианскую в ее явлениях, на деле, от начала до конца, т. е. как она засеменяется, развивается, зреет и приходит в полноту, или — что то же — написать историю деятельной жизни каждого христианина, с показанием того, как в каком случае должен он действовать, чтобы устоять в своем чине.

Засеменение и развитие жизни христианской существенно отлично от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения. Семя Христово падает на землю сердца уже быющего. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства, то — тогда как, например, в растении начало жизни есть возбуждение ростка семени, пробуждение как бы спящих сил — начало истинно христианской жизни в человеке есть некоторое воссотворение, дарование новых сил, новой жизни. Далее, пусть воспринято христианство как закон, т. е. положена решимость жить по — христиански: это семя жизни (решимость) не бывает окружено в человеке благоприятствующими ему стихиями; и при этом весь человек, его тело и душа, остаются не приспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову; потому с сей минуты начинается у человека потовой труд — образовать всего себя, все свои силы по — христиански. Вот почему, тогда как возрастание, например, у растений есть постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, у христианина оно есть многотрудная борьба с самим собою — напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, к чему у них нет расположения: он, как воин, каждый шаг земли, хотя своей же, должен отнимать у врагов войною — обоюдоострым мечом самопринуждения и самопротivления. Наконец, уже после долгих трудов и усилий начала христианские являются победоносными, господствующими без сопротивления, проникают весь состав естества человеческого, вытеснив из него враждебные себе требования и стремления, и

поставляют его в состояние бесстрастия и чистоты, сподобляя блаженства чистых сердцем — зреть Бога в себе в преискреннем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые, по свойству их, можно назвать так: 1-ю — обращением к Богу, 2-ю — очищение или самоисправлением, 3-ю — освящением. На первой — человек обращается от тьмы к свету, от области сатанины к Богу; на второй — очищает храмину сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения — цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все сие и определить правилами и будет значить — указать *путь ко спасению*. Полное в сем деле руководство берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и возводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова. Иначе, оно должно показать:

1. как начинается в нас христианская жизнь;
2. как совершенствуется — зреет и крепнет, и
3. какую является в полном своем совершенстве.

ОТДЕЛ I. О начале христианской жизни чрез святое крещение, с указанием — как сохранить сию благодать в период воспитания

КАК НАЧИНАЕТСЯ В НАС ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ?

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь, для того чтобы видеть, положено ли в нас начало жизни сей, и в случае если не положено, знать как положить оное, насколько это от нас зависит. То нерешительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто — нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие...* (Мф. 7, 21). *И не вси, суиции от Израиля, суть Израиль* (Рим. 9, 6). Можно быть в числе христиан и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течение жизни нашей, когда кто начинает жить по — христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в богообщении о Христе Иисусе Господе нашем, — в богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности, исключительно о христианском богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по — христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

Огня приидох воврещи на землю, говорит Спаситель *и как желал бы Я, чтобы он возгорелся* (Лк. 12, 49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь сжигает вещество, в котором внедряется, так и ревность о жизни по Христе сжигает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *Всяк огнем осолится ...* (Мк. 9, 49). И это есть указание на огонь духа, ревностию проникающего все существо наше. Как соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ, и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашать* (1 Фес. 5, 19), быть *тщанием не ленивым, духом гореть* (Рим. 12, 11), — заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: *задняя забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14); и другим внушает: *тако тещите, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: часто *имя только имеют, что живы*, будучи на деле *мертвы* (ср.: Апок. 3, 1). Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительные отклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знаемых, даже вещи его, цвет ему любимый, вообще все, что сколько — нибудь напоминает о нем. То же и ревность о богоугождении истинная: преследует грех в малейших об нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуется в чем — либо усиленный труд или какое — либо самопожертвование — тотчас последует отказ, по невозможности совладеть с собою. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвигнуть себя на доброе дело; саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Сogleдатаи при Моисее убоились оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сожигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателем на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — усердие и многое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить» (Беседа 31 на Деяния).

Дело благочестия и богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией — в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? — Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоход идет, но с болезнью, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать **все**; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностью, как **главное дело**; а иначе мы будем делать как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин плохой христианин, — вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, — и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока, или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и чрез них — всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (чрез Таинства) и, сочетавшись с свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни: об ней должно молиться и быть готовым приять ее. Огонь ревности с силою — это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снадающею только, но и вседействующею ревностию.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем и еще что — либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее

составе — такой, которая приводит к спасению. При случае нетрудно что — нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию слова Божия, — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении, среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, — и она приподнимет нас и извлечет из этого треволнения временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет к греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн, — куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или сердчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием — одно другого хуже — начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с пророком: *воды внидоша до души моя: углебох в тимении глубины* (Пс. 68, 2). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!* (Пс. 117, 25).

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот воображено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечениям, и он снова готов забыться. Далее, кто — нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка, — берется и за то: одного унижил, с другим поделился, третьего столкнул с места, — и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? — *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41). Видишь добро и творишь зло: *хотящу творити доброе, злое прилежит* (Рим. 7, 21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, то есть если не отвержение, то не чувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда — к свету, где хотят тебе дать какие — то новые силы! — Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем — где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усеет цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока наконец не низойдет на самое дно зла — к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по — христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской — сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? — Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу свою непотребную природу, — и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было, для поражения гордого ума нашего, в самом начале истинной жизни, сокрыть силу Свою под сенью вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: **крещение** и **покаяние**. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг крещения, а другие — вокруг покаяния.

КАК НАЧИНАЕТСЯ ЖИЗНЬ ХРИСТИАНСКАЯ В ТАИНСТВЕ КРЕЩЕНИЯ?

Крещение есть первое в христианстве Таинство, содействующее человека — христианина достойным сподобляться даров благодати и чрез другие Таинства. Без него нельзя войти в мир христианский — сделаться членом Церкви. Предвечная Премудрость создала себе дом на земле: дверь, вводящая в сей дом, есть Таинство крещения. Сею дверью не только входят в дом Божий, но при ней же облакаются и в

достойную его одежду, получают новое имя и знак, отпечатывающийся во всем существе крещаемого, посредством коего разузнают и различают его потом и небесные, и земные.

Аще кто во Христе, нова тварь, учит Апостол (2 Кор. 5, 17). Сею новою тварию христианин становится в крещении. Из купели человек выходит совсем не таким, каким туда входит. Как свет тьме, как жизнь смерти, так крещеный противоположен некрещеному. Зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, человек до крещения носит в себе весь яд греха, со всею тяготою его последствий. Он состоит в немилости Божией, есть естеством чадо гнева; поврежден, расстроен сам в себе, в соотношении частей и сил и в их направлении преимущественно на размножение греха; подчинен влиянию сатаны, который действует в нем властно, по причине греха, живущего в нем. Вследствие всего этого он, по смерти, неминуемо есть оброчник ада, где должен мучиться вместе с своим князем и его клеветами и слугами.

Крещение избавляет нас от всех сих зол. Оно снимает клятву силою Креста Христова и возвращает благословение: крещеные суть чада Божии, как именоваться и быть дал им область Сам Господь. *Аще же чада, то и наследницы*, — *наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу...* (Рим. 8, 17). Царство Небесное принадлежит крещаемому уже по самому крещению. Он изымается из под владычества сатаны, который теперь теряет власть над ним и силу самовольно действовать в нем. Вступлением в Церковь, — дом прибежища — сатане заграждаются входы к новокрещеному. Он здесь как в безопасной ограде.

Все это — духовно — внешние преимущества и дарования. Что происходит внутри? — Исцеление греховной болезни и повреждения. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает здесь Божественный порядок во всей его красоте, врачует расстройство как в составе и отношении сил и частей, так и в главном направлении от себя к Богу — на богоугождение и умножение добрых дел. Почему крещение и есть возрождение или новое рождение, поставляющее человека в обновленное состояние. Апостол Павел всех крещеных сравнивает с воскресшим Спасителем, давая разуметь, что и у них такое же светлое в обновлении существо, каким явилось человечество в Господе Иисусе, чрез воскресение Его в славе (см.: Рим. 6, 4). Что и направление деятельности в крещеном изменяется — это видно из слов того же Апостола, который говорит в другом месте, что они уже *не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). *Еже бо умре, греху умре единою, а еже живет; Богови живет* (Рим. 6, 10). *Мы спогребаемся Ему крещением в смерть* (Рим. 6, 4), и: *ветхий наш человек с Ним распинается... яко ктому не работати нам греху* (Рим. 6, 6). Так вся деятельность человека силою крещения обращается от себя и греха к Богу и правде.

Замечательно слово Апостола: *Яко ктому не работати нам греху ...* и другое: *Грех вами да не обладает* (Рим. 6, 14). Это дает нам разуметь, что то, что в расстроенной падшей природе составляет силу, влекущую ко греху, не истребляется вконец в крещении, а только поставляется в такое состояние, в коем не имеет над нами власти, не обладает нами, и мы не работаем ему. Оно в нас же находится, живет и действует, только не как господин. Главенство с сих пор принадлежит уже благодати Божией и духу, сознательно себя ей предающему. Святой Диадокх, объясняя силу крещения, говорит, что до крещения грех живет в сердце, а благодать извне действует; после же сего благодать вселяется в сердце, а грех влечет извне. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется вне, в частях тела, откуда и действует раздробленно набегами. Почему и есть непрестанный искуситель, соблазнитель, но уже не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает¹.

Так зарождается новая жизнь в крещении! Что при этом требуется со стороны человека, или как доходит он до того, что обновляется в крещении, изображено в «Начертании нравоучения христианского», особенно в статье «Норма христианской жизни». Здесь это не повторяется, потому что возрастной, приступающий к крещению, есть то же, что грешник, обратившийся к Богу в покаянии; а о сем последнем речь будет впереди не краткая, будет второй отдел. Тогда вполне будет удовлетворено любование всякого о сем предмете.

Здесь обращается внимание на то, как начинается чрез крещение жизнь христианская в тех, кои крестятся младенцами, как это бывает преимущественно между нами. Ибо здесь начало христианской жизни устроится с некоторою характеристическою особенностью, вытекающею из отношения благодати к свободе.

Вы уже знаете, что благодать нисходит на свободное желание и искание, и что только взаимным сочетанием их зачинается сообразная с благодатию и свойством свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подает благодать туне; но требует, чтобы человек искал ее и желательно воспринимал ее, посвящая себя всецело Богу. Исполнение сего условия в покаянии и в крещении возрастных очевидно. Но как оно исполняется в крещении младенцев? Младенец не имеет употребления разума и свободы, следовательно, не может исполнить условия к началу христианской жизни с своей стороны, то есть желания посвятить себя Богу. Между тем сие условие непременно должно быть исполнено. От способа исполнения сего условия

¹ Добротолюбие. Т. 3. Подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного, гл. 79 и далее.

начало жизни, чрез крещение младенцев, совершается с некоторою характеристическою особенностью. Именно.

Благодать нисходит на младенческую душу и производит в ней все **одна**, так как бы при сем участвовала и свобода, на том единственно основании, что в будущем сей, не сознающий себя и не действующий лично, младенец, когда придет в сознание, сам охотно посвятит себя Богу, желательно воспримет благодать, нашедши в себе ее действия, рад будет, что она есть, возблагодарит, что так сделано для него, и исповедует, что, если бы в минуту крещения даны были ему смысл и свобода, он не иначе поступил бы, как поступлено, и не захотел бы иного. Ради такого будущего свободного посвящения себя Богу и сочетания свободы с благодатию, Божественная благодать вся подается младенцу и без него все в нем производит, что производить ей свойственно, по одному уверению, что требуемое желание и предание себя Богу будет несомненно, — уверению, какое дают восприемники, поручаясь Богу пред Церковью, что сей младенец, пришедши в сознание, явит именно такое употребление свободы, какое требуется для благодати, приемля на себя обязанность самым делом довести до того младенца восприемлемого.

Таким образом, чрез крещение в младенце полагается семя жизни о Христе и есть в нем; но она еще как бы не его, — действует как образующая его сила. Жизнь духовная, зарожденная благодатию крещения в младенце, станет собственною человеку, явится в полном своем виде, сообразною не только с благодатию, но и с свойством разумной твари с того времени, когда он, возникши к сознанию, свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит себе обретенную в себе благодатную силу. И до сего времени в нем действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, действует в нем, а есть еще как бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственною, не благодатною только, но и свободною.

По причине этого, более или менее продолжительного, промежутка между крещением и посвящением себя Богу, начало христиански — нравственной жизни чрез благодать крещения в младенцах расширяется, так сказать, на неопределенное пространство времени, в продолжение коего младенец зреет и образуется в христианина в Святой Церкви среди христиан, как прежде телесно образовался в утробе матери.

Установитесь, читатель, покрепче в сей мысли. Она нам крайне будет нужна при определении того, как родители, восприемники и воспитатели должны обходиться с крещеным младенцем, который вверяется им от Святой Церкви и Господа.

Понятно само собою, что после крещения младенца очень важное дело предлежит родителям и восприемникам: так вести крещеного, чтобы он, пришедши в сознание, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием восприял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни. Это лицом к лицу поставляет с вопросом о христианском воспитании или о воспитании по требованию благодати крещения, с целью сохранения сей благодати.

Чтобы яснее было, как должно обходиться с крещеным младенцем в показанных целях, надо привести себе на память высказанную прежде мысль, что благодать осеняет сердце и обитает в нем, когда в нем качествует обращение от греха и себя к Богу. Ради этого настроения, деятельно являемого, далее подаются и все другие дары благодати и все преимущества облагодатствованных: благоволение Божие, сонаследие Христу, поставление вне области сатаны, вне опасности быть осуждену в ад. Коль же скоро сие настроение ума и сердца умалется или теряется, тотчас грех снова начинает обладать сердцем, а чрез грех налагаются узы сатаны и отъемлются благоволение Божие и сонаследство Христу. Благодать в младенце укрощает и заглушает грех; но он может снова ожить и восстать, если дать ему пищу и свободу. Итак, все внимание тех, на коих лежит обязанность блюсти в целости принятое из купели дитя — христианина, должно быть обращено на то, чтобы никак не допустить опять возобладать над ним греху, всячески подавлять сей последний и обессиливать, а направление к Богу возбуждать и укреплять. Должно сделать, чтобы такое настроение в растущем христианине росло, хотя по чужому руководству, но самодеятельно, чтобы он более и более привыкал преобладать над грехом и одолевать его ради богоугождения, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это было не работа греху, а служение Богу. Что это возможно, видно из того, что рожденный и крещеный есть весь — семя будущего или земля, исполненная семян. Влитое благодатию крещения новое настроение не есть мысленное только или вменяемое, а действительное, то есть тоже есть семя жизни. Если вообще всякое семя развивается по роду своему, то может развиваться и семя благодатной жизни в крещеном. Если в нем положено семя преобладающего над грехом обращения к Богу, то оно также может быть развито и возвращено, как и другие семена. Должно только употребить на сие действенные средства или определить целесообразный способ действовать на крещеного младенца.

Цель, к какой все при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы сей новый человек, пришедши в сознание, сознал себя не человеком только, существом разумно — свободным, но вместе лицом, вступившим в обязательство с Господом, с Коим соединена неразрывно его вечная участь; не только сознал себя таким, но и находил себя способным действовать по сему обязательству и видел в себе преимущественное к тому тяготение. Спрашивается, как сего достигнуть? Как поступать с крещеным, чтобы,

пришедши в возраст, он ничего более не желал, как быть истинным христианином. Или — как воспитывать по — христиански?

В ответ на это не беремся рассматривать все подробно. Ограничимся одним общим обозрением всего дела христианского воспитания, имея в виду указать, как в каком случае поддерживать и укреплять добрую в детях сторону и как обессиливать и подавлять худую.

Здесь прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких — либо способностей. Младенец живет, следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Святые Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все сие, в совокупности, составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем сим таинственно наитствуется (вдохновляется, внушается. *Ред.*) благодатная жизнь, зачатая в младенце.

Частое причащение Святых Христовых Тайн (можно прибавить: сколько можно частое) живо и действительно соединяет с Господом новый член Его, чрез пречистое Тело и Кровь Его, освящает его, умиротворяет в себе и делает неприступным для темных сил.

Поступающие таким образом замечают, что в тот день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, кои в детях сильнее действуют. Иногда оно исполняется радостью и игранием духа, в коем готово всякого обнимать, как своего. Нередко святое причащение сопровождается и чудодействиями. Святой Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время причащения Господь благодатию Своею разрешил узы языка, после напоившего Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к святому причащению, и очень редко имел нужду употреблять потом медицинские пособия.

Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к святому кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома — частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святою водою, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны; вообще — все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть (внедриться, произрасти. *Ред.*) в развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить ее.

Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он блюдет его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности детищем.

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития может разорить и лишит плода неверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этом средства те или не употребляются, или употребляются не так, как должно; но особенно по влиянию внутреннему. Правда, Господь милосерд, особенно к невинным, но есть непостижимая для нас связь души родителей с душою детей, и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних; и вместе, до какой степени, при заразительном влиянии первых, простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях.

Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что — нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно.

Есть некоторый особенный путь общения душ чрез сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем своим обращены в младенца. Отец и мать исчезают в дитяти и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием, то быть не может, чтобы оно по своему роду не действовало на душу дитяти. Лучший внешний проводник при этом — взор. Тогда как в других чувствах душа остается сокрытою, глаз открывает ее взору другим. Это точка встречи одной души с другою. Пусть же чрез сие отверстие проходят до души дитяти души матери и отца с чувствами святыми. Они не могут не намазать ее этим святым елеем. Надобно, чтобы во взоре их светилась не одна любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более, чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор сие сокровище, как некоторый сосуд благодати, снабдит их и достаточными силами к тому, чтобы сохранять его, и, наконец, непрерывно в духе совершаемая молитва, возбуждаемая надеждою по вере.

Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти этим духом искреннего благочестия, когда при сем, с одной стороны, Ангел Хранитель, с другой — Святые Тайны и вся церковность будут действовать на него совне и внутри, то этим составится вокруг зачинающейся жизни сродная ей духовная

атмосфера, которая перелетает в нее и свой характер, подобно тому как и кровь, начало жизни животной, в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь устроенный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое вольют в него в ту пору. То же должно сказать и о показанном устройении около детей. Оно благодатно — спасительно проникает в устанавливающиеся формы жизни дитяти и будет полагать на них печать свою. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы.

Начавши такое устройство от колыбели, должно уже продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве. Церковь, церковность и Святые Тайны — как скиния для детей, под кою они должны быть неисходно. Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно — Самуил (пророк; августа 20 — *Ред.*), Феодор Сикеот (апреля 22) и другие. Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял.

Когда у дитяти начинают пробуждаться силы, одна за другою, родителям и воспитателям должно усугубить внимание. Ибо когда, под осенением показанных средств, будет возрастать и усиливаться в них тяготение к Богу и увлекать вслед за собою силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого — брань внутренняя. Так как дети не способны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но как она должна быть ведена все же силами детей, то родители строго должны блюсти начатки их пробуждения, чтобы с первой минуты дать им склонение, сообразное с главною целью, к какой они должны быть направляемы.

Так начинается брань у родителей с грехом, живущим в дитяти. Хотя грех сей и лишен точки опоры, однако ж действует и, чтобы остановиться на чем — нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Должно не допускать до сего и как бы вырывать силы из рук греха и передавать Богу. Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным ведением верности избранного способа, надобно хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, чрез что именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, суть своеумие (или пытливость) в уме, своеволие — в воле, самоуслаждение — в чувстве. Поэтому должно так вести и направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы не отдать их в плен плотоугодию, пытливости, своеволию и самоуслаждению, — ибо это будет плен греховный, — а напротив, приучать отрешаться от них и преобладать над ними и, таким образом, сколько можно обессиливать их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним должно потом сообразовать и все воспитание. Пересмотрим с этою целию главнейшие действия тела, души и духа.

Прежде всего пробуждаются, и потом постоянно состоят в живой деятельности, до самой смерти, потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить навыком, чтобы потом меньше было от них беспокойства. Здесь неточное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к греховному услаждению плоти или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, — надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище — два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.

Поэтому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в коих бы определялось время, количество и способ питания и 3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе, как с болезнию может отказываться от пищи. Вместе с сим оно привыкает к своенравию оттого, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду — не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания, — изменяя, как само собою разумеется, правила в применениях, а не в существе, — до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, возьмет сам себя в руки.

Второе отправление тела есть движение; орган его — мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, — орудия труда. В отношении к душе оно — седалище воли, и очень способно развивать своеволие. Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других — вялость, безжизненность, леность. Первое укрепляет и